

Иоганн Карл Эренфрид Кегель Высказывания немецкого агронома о местном начальстве и политике развития Камчатки в середине XIX века

Эрих Кастен

Назначение Кегеля для работ на Камчатке

Уже в 1727 году Верховный тайный совет в С. Петербурге вынес следующее решение: «в тех местах Камчатки, где климат благоприятствует, завести хлебопашество, поселив там русских крестьян».¹ Вопреки дальнейшим такого рода решениям в течение следующих 100 лет заселение Камчатки было довольно слабым, поэтому в 1835 г. там наряду с солдатами проживало всего 679 крестьян.² В ноябре 1840 г. Сибирский комитет постановил, отправить туда на два года агронома, для «собираания верных данных о климате и почве Камчатки и составления основательного заключения о том, какое хозяйство возможно и полезно на полуострове».³ Выбор пал на Кегеля. Вскоре он получил подробные инструкции: на какие сорта овощей и фруктов обращать особое внимание, составить описание ботанических условий, проводить метеорологические наблюдения, исследовать плодородие почвы. Кроме того он должен был взять на себя заботу об улучшении обучения коренного населения в ремесленной школе, а также каждые два года представлять отчет государственному министерству.⁴

Следуя полученному поручению С.Петербургского правительственного комитета Кегель представил генерал-губернатору Восточной Сибири Николаю Муравьеву подробный отчет с соответствующими рекомендациями по заселению Камчатки, ускорению которого способствовали бы развитие хлебопашества и разведение скота.⁵ Отчет о поездке и путевые журналы, содержащиеся в данной книге, он сначала оставил для себя, возможно из-за недоверия тамошним властям и опасения, что документы могут пропасть. По всей вероятности эти записи были предназначены для публикации в другое время и для другой публики, в которых ему хотелось бы сохранить критические высказывания. До сих пор возникает вопрос, почему работы Кегеля ни одним словом не упоминаются в обширном труде Карла фон Дитмара, приехавшего на Камчатку спустя четыре года после завершения Кегелем там работы. Также нет ни одной соответствующей пометки в довольно подробном труде Дитмара

1 Сафронов 1978: 130.

2 Сафронов 1978: 134.

3 Сафронов 1978: 134.

4 Сгибнев 2008: 95.

5 Сафронов 1978: 135.

«Geschichtliche Notizen»⁶. Вернер Ф. Гюльден (Werner F. Glden) в предисловии к новому изданию дневников и журналов Кегеля⁷ высказывает мнение, что Дитмару по крайней мере один отчет, посланный Кегелем по возвращении в С. Петербург, должен был бы быть известен, и что Дитмар, замалчивая источник, использовал материал Кегеля в своих публикациях (XII). Людмила Садовникова напротив предполагает, что позднее в губернаторском управлении на Камчатке, которое Дитмар часто посещал, документов Кегеля (уже) не было.⁸ При более близком ознакомлении с особыми отношениями между Кегелем и тогдашним главнокомандующим Камчатки Страннолюбским,⁹ с его характером и отношением к работе и результатам агронома, действительно напрашивается предположение, что возможные и несомненно критические отчеты Кегеля могли исчезнуть.

В описаниях Кегеля отражено его добросовестное выполнение поручения. В них содержатся точные естественно-научные описания природных условий Камчатки, свойств почвы, флоры и фауны, природопользования, также инвентаризация предпринятых попыток введения огородничества и разведения скота. Кегель и его помощники продельвали собственные пробные проращивания семян, в результатах которых он смог убедиться позднее. Он проводил регулярные наблюдения за состоянием климата. Сведения как о климате, так и результаты проращивания семян он аккуратно вносил в журнал. Его особым стремлением было обучение местного населения в особенности в области ведения огородничества и хлебопашества, а также создание ремесленных школ и проведение занятий по определенным правилам, прежде всего для коренных камчадалов, как это было предписано правительством из С. Петербурга, но до той поры недостаточно претворено в жизнь.

Если говорить современным языком, то можно сказать, что Кегель был международным консультантом в развивающихся странах, деятельность которых проходит в ситуациях с присутствием для них конфликтным потенциалом. Первое, над чем сегодняшние помощники в развивающихся странах должны размышлять, это вопрос, как далеко такие вполне доброжелательные старания могут представлять пусть даже и оправданное вмешательство в традиционное и иной раз в экологически приспособленное хозяйствование коренных народов. Для Кегеля такой вопрос не стоял остро, потому что он столкнулся с хозяйствованием и социальной системой, уже в значительной степени выведенных из равновесия через торговлю пушным товаром и беспощадное вмешательство русских и казаков. Занимаясь пропагандированием

6 Ditmar 2011.

7 Kegel 2011. Ссылки на страницы в тексте относятся к новому изданию.

8 Садовникова 2010: 46.

9 Николай Васильевич Страннолюбский Страннолюбский был начальником Камчатки носил военный титул „капитан 1 ранга“. Кегель в своих записях называет его обычно „шефом“.

огородничества и разведения скота он мог бы быть вполне уверенным, что это может дать местному населению больше независимости от торговцев мехами и их отрицательного влияния, что в свою очередь могло бы способствовать использованию природных ресурсов и обеспечению средствами к существованию в длительной перспективе. Естественно в силу своей профессии Кегель должен был быть убежденным в пользе введения и дальнейшего развития огородничества, хлебопашества и разведения скота. Как будет показано далее, он в большой степени и уважением интересовался также природопользованием самих коренных народов – совсем иначе, чем позднее в советское время, когда проводились мероприятия для развития сельского хозяйства.

Другой конфликт, с которым неизбежно столкнулся Кегель, слишком хорошо знаком многим сегодняшним помощникам-практикантам и НПО, работающим в области экологического и культурного развития на Камчатке. Усилия Кегеля, направленные на экономическое развитие региона, противоречили интересам власть имущих, лично наживавшихся от торговли мехами. И это доходное дело они не желали ставить под вопрос. По этой причине они уже долгие годы старались подавлять все инициативы, которые были направлены на укрепление независимости местного населения (С. 148).

Но, похоже, Кегель со свойственной ему неподкупностью был полон решимости претворить в жизнь запланированные мероприятия российского правительства, которые скорее всего должны были служить интересам государства, чем чисто гуманитарным целям. Это в свою очередь должно было привести в замешательство камчатские власти, которые старались самыми различными способами бойкотировать и дискредитировать работу Кегеля.

Поездка по России и первые впечатления

Для путешествия по России Кегель специально выбрал летнее время, несмотря на то, что поездки для преодоления длинных дистанций были более приемлемы зимой. Он с большим вниманием наблюдал ландшафты и их использование, сопровождая свои наблюдения критическими комментариями. При этом ему бросались в глаза не только проблемы в области экологического развития, как, например, интенсивная вырубка лесов (С.28). Его в одинаковой степени интересовало социальное положение и условия жизни простого населения, при этом можно сразу распознать его симпатии и гуманную позицию: «В таких отдаленных местах начальник управления территорией должен быть честным и порядочным человеком, который заботится о благе населения и бедных, а не о собственных выгодах. Кто же стремится набить только собственный карман, тот мало заботится о благе и безопасности страны. Каждый следует его примеру...» (С. 66)

Но наравне с повторяющейся критикой эксплуатации, подавления и обмана бедного населения страны он заботится о дифференцированном подходе, как,

например, в случае с аптекарем, выпросившем для себя ссыльных для сбора трав и кореньев, последние же в свою очередь не могли нахвалиться своим работодателем. Кегель отмечает: «везде встречаются филантропы, заботящиеся о несчастных» (С. 31). Как уже упоминалось, функция хорошего примера для Кегеля всегда играла важную роль, как и в случае описания деятельности одной меценатки, взявшей на себя заботу о доме для девочек-сирот. «В каких еще странах есть такие примерные учреждения для осиротевших детей? Где еще встретишь богатых, так разумно расходующих избытки своего богатства, как здесь? ... Богатые, дайте хороший пример Вашими вкладами, и Вы с большой радостью убедитесь, что большинство бедных это добрые и порядочные (умелые) люди. Преувеличенная расточительность и необузданность великих и богатых являются единственной виной в гибели низших классов, потому что плохой пример и моральное разложение заразительны» (С. 47). Кегель в своих действиях чувствовал себя связанным моральными узами, придерживания к которым он требовал и от других – в этой связи последний конфликт с властью имущими на Камчатке оказался неизбежным.

Критика политической ситуации на Камчатке

Вскоре по прибытии в Петропавловскую гавань Кегель в своих записках описывает без прикрас политическую ситуацию и коррумпированное управление на Камчатке. По его мнению оно несло полную ответственность за ошибки в экономическом и социальном развитии. В последующие месяцы он ближе ознакомится с ошибками и даст более подробное их описание. Уже первая встреча с секретарем губернатора Страннолюбского дает представление о том, насколько распространен был механизм злоупотребления властью и то, как тот пытается завоевать Кегеля только для себя и предотвратить отчеты, могущие повлечь за собой неприятности. Например, Кегелю настоятельно предлагалось отказаться от ненужных (с точки зрения Страннолюбского) и трудных поездок по Камчатке в летнее время, а лучше отдыхать «здесь» (в Петропавловске): «Вы возвратитесь из поездки богатым. Начальник даст Вам самые лучшие отзывы, и Вы возвратитесь довольным в Петербург» (С. 84). Так как Кегель не пошел на сделку, то уже через короткое время ему пришлось столкнуться с угрозами, давлением и клеветой. Страннолюбский писал генерал-губернатору Восточной Сибири Вильгельму Рупперту следующее: Кегель «не кто иной как шарлатан, от которого нельзя ожидать никакой пользы».¹⁰ Конечно, в такой ситуации ему было бы намного проще и выгоднее с любой точки зрения принять предложение со стороны управления и «договориться».

Кегель приводит бесчисленные примеры довольно широко распространенной коррупции, когда государственные деньги, предназначенные для строи-

¹⁰ Сгибнев 2008: 95.

тельства и других общественных мероприятий – как, например, создание и содержание ремесленных школ – расхищаются, ведение хозяйства ведется для собственной выгоды. Или другой пример, когда Кегель должен был написать хорошую характеристику человеку, регулярно снабжающего Страннолюбского «прекрасными соболями», на его якобы хорошо действующее образцовое хозяйство, чтобы «образцовый хозяйственник» получил четвертую серебряную медаль.

Люди, злоупотребляющие своим политическим положением для собственного обогащения, как тогда, так и сейчас, встречаются на Камчатке, в России и других местах. Но для того времени беспримерные случаи злоупотребления Кегель осмеливается описывать обширно и открыто. Он показывает, как важные цели, направленные на образование и развитие, сводятся на нет. Так фиксация главным образом на прибыльной торговле мехами обещала быстрый доход прежде всего для власть имущих, при этом мероприятия, направленные на долгосрочное использование природных ресурсов для благополучия местного населения, были оставлены без внимания. Параллели такого рода обнаруживаются и в современном развитии, когда отдается предпочтение добыче полезных ископаемых, временно приносящей прибыль, а не долгосрочному обеспечению средствами к существованию местного и коренного населения и их традиционным видам хозяйствования. В глазах Кегеля как следствие от торговли мехами наряду с пренебрежением к традиционным видам хозяйствования и возделыванию возникали социальные проблемы и широко распространенный алкоголизм, когда алкоголь применялся как бесцестный прием в торговле (С. 127, 166, 173, 278). Кегель неоднократно делает сообщения о злоупотреблении алкоголем, в особенности подмечает, как люди русского и немецкого происхождения по-разному применяют его. При этом надо отметить, что сам Кегель не отказывался от мадеры и других изысканностей, о чем свидетельствуют списки покупаемых им продуктов. Но прежде всего ему претило использование алкоголя в сделках с аборигенами, тем более что коренное население часто не переносило алкоголь.

Другие вредные последствия от торговли мехами Кегель видел в том, что готовность для перевозки почты и каюрная повинность в зимнее время требовали много рабочей силы, также содержания большого количества собак (С. 103, 139, 279). Для содержания собак требовалось огромное количество рыбы. Непривязанные собаки препятствовали разведению скота, так как в поисках пищи часто набрасывались на молодняк, кусая его до смерти. В добавление к этому многие населенные пункты ввиду каюрной повинности были отмечены им как непригодные для огородничества, хлебопашества и разведения скота в летнее время (С. 156).

По мнению Кегеля торговля мехами и близкое соседство русских являлись косвенными причинами неудовлетворительного социального положения и состояния здоровья, как, например, то и дело заносимые заразные болезни, в

особенности сифилис, лечение которых большей частью проводилось в недостаточной степени, что в свою очередь влекло за собой значительное сокращение коренного населения (С. 272). В своих журналах он часто упоминает об изнасилованиях (С. 358, 396).

Наблюдения за поведением и характером человека

В упоминаемых Кегелем встречах во время путешествия по России то и дело бросаются в глаза немецкие имена у людей, занимавших важные посты. О них в своих описаниях он большей частью отзывался более положительно, чем о русских, которым приписывает пьянство, коррупцию и леность. Может быть это связано с тем, что людям немецкого происхождения, проживавшим в чужой стране, было особенно приятно знакомство с путешествующим земляком, они вели себя с Кегелем по-другому и не только потому, что могли общаться на общем языке. Все же он быстро исправляет свою ошибку при опрометчивом обобщении, когда в одном месте пишет о безупречном русском чиновнике (С. 72).

Порой однако кажется, что в основном отрицательно описанные Кегелем русские являются противоположностью высоко ценимым им камчадалам, чьи порядочность и усердие он то и дело подчеркивает (С. 96) – хотя в журналах его эмоциональное суждение оказывается подчас иным. «Русский [...] с удовольствием берет себе в жены камчадалку. Он предается лени, так как жена делает все сама и заботится о том, чтобы ни в чем не было недостатка» (С. 172); и вообще камчадалы якобы лучше разводят скот, чем русские (С. 122). Кегель сожалеет о сокращении и переселении коренного населения (С. 272). Его открытая симпатия к камчадалам, которых он то и дело берет под свою защиту против злоупотреблений торговцев мехами, прослеживается в его почти патерналистских выражениях как, например, «мои» или «бедные» (в смысле эксплуатируемые). Он ценит их спонтанную готовность помочь, как, например, после крушения корабля возле западного побережья (С. 79), когда пьяные русские матросы уже давно сбежали. Между прочим, готовность помочь и гостеприимство местное население оказывает и сегодня тем, кто, путешествуя в отдаленных и бездорожных местах Камчатки, попадает в беду.

Встречаясь с представителями также других коренных народов Кегель пытается дать «характеристику народа», что в те времена в этнографических описаниях было обычным явлением. Но прежде всего обнаруживается, как собственные проекции Кегеля, так и случайные поверхностные знакомства или информация из вторых рук могли приводить к неточной характеристике.

По этой причине объяснения Кегеля об этногенезе тех или иных групп коренных народов порой неправильны и неточны. Камчадалов он относит к коренному народу, о коряках же говорит как о «пришлом» (С. 92). В другом месте он упоминает «о камчадалах, происходящих от северных коряков» (воз-

можно он имеет ввиду прибрежных коряков из карагинских мест (С. 149), а в северном селении Озерная якобы он встретил «настоящих камчадалов (ительменов)» (С. 181).

Относительно предполагаемой иммиграции коряков напрашивается предположение, что Кегель путает их с эвенами, пришедшими с северо-востока на Камчатку в начале XIX века. Это в некоторой степени понятно, потому что свои сведения о коряках он получает из вторых рук, а именно от тойона Трабезникова, «практически выросшего среди коряков» (С. 234). Но может быть это надо отнести к стремлению ительменов (камчадалов) к подтверждению или переистолкованию своего исконного обитания на Камчатке. Напротив, из устных преданий коряков можно узнать, что ительмены якобы пришли с запада через море на Камчатку, где коряки сначала должны были их научить выживанию в новых условиях.¹¹ В обоих случаях речь идет об общеизвестном этноцентристском толковании (собственного) исконного обитания, которое наблюдается у многих коренных народов, живущих на границе с другой этнической группой. Целью такого толкования кроме всего прочего являются претензии на территорию проживания.¹²

Другая же информация о «кочующих коряках», полученная Кегелем от своего поручителя, относительно типичных характерных черт этнических групп все же соответствует действительности, которую можно найти в таком же виде и в других сообщениях того времени, частично и в наше время. Богатые оленеводы всегда чувствовали себя обязанными давать работу бедным и соответственно их «кормить» (С. 235). Коряки верили «в высшее существо и счастливую загробную жизнь, которую они приобретают через любовь к человеку, добрые дела. Они испытывают отвращение к любого рода воровству, ненавидят лгунов и воров» (С. 235). Чукчи, напротив, с которыми коряки и казаки должны были иметь дело, обычно описываются как «воинственный народ». Об эвенах говорится, что даже казаки относились к ним с уважением, так как они считались «мужественными и хорошими защитниками» (С. 235). Во время пребывания в Дельви Кегель слышал о «ламутах» (эвенах), как «самых смелых людях, нагоняющих на всех страх». Они якобы «отличные охранники и охотники; но из-за недостатка диких зверей они с удовольствием забирают себе сухую рыбу из сушильных складов в таком количестве, сколько им необходимо» (С. 201). В другом месте он пишет об эвенах, что «они никому ничего не дают и не могут давать ... Они ездят верхом на одном или двух оленях от одной горы к другой, и убивают дичи столько, сколько им необходимо для пропитания» (С. 87).

11 Личное сообщение, август 2010. Однако последние генетические исследования доказывают, что коряки пришли на Камчатку из центральной Сибири позднее, чем ительмены (см. Rubiz et al. 2010).

12 Kasten 2005: 238 ff.

Это совпадает с наблюдениями других путешественников того времени, а именно, что эвены на Камчатке сначала занимались охотой, и лишь позднее, вероятно под влиянием коряков, стали заниматься оленеводством. Также и в других источниках¹³ речь идет о том, что эвены в чрезвычайных ситуациях обращались к корякам, считавшихся обычно гостеприимными и готовыми помочь, от которых они получали оленьё мясо или, как в данном случае, рыбу. В высказываниях Кегеля о камчадалах можно то и дело встретить явно популярный мотив дискредитирования в особенности соседних этнических групп, обвинения в том, что они якобы недостаточно заготавливали запасов, а потому вынуждены были просить помощи у других. Но при этом необходимо учитывать, с какой позиции данные информация и оценка происходят.

Это относится также и к оценке Кегелем в отношении коряков. С позиции агронома они не являются «большими любителями разведения скота и работы ... ленивы и мало заботятся о заготовках на зиму» (С. 184). Но похоже он ни разу не встречал коряков-олeneводо-в (чавчуенов). На реке Седанка он наблюдал (для него казавшихся бедными) женщин и детей за ловлей рыбы, в то время как их мужья пасли оленей в горах (С. 143). В Лесной он констатировал, что там существовали два оленьих стада, хозяева которых считались зажиточнее, чем другие жители селения (С. 202), которые занимались морским зверобойным промыслом и рыбной ловлей. Но даже сегодня там помнят о том, что в этом относительно тесном месте давно существующее дополнительное использование ресурсов выгоднее и является испытанной и более подходящей альтернативой, чем разведение скота, которое предлагал Кегель. Разделку убитого оленя Кегель похоже наблюдал только у русских, «перенявших кое-что от коряков». Он описывает, как они в очищенные желудки набирают кровь и что «костный мозг у этой нации считается большим деликатесом» (С. 144).

В его описаниях береговые коряки в районе Караги предстают в более выгодном свете. Так как русские приезжают к ним редко, здоровье их лучше, чем у камчадалов, они реже заболевают сифилисом. Губительные последствия алкоголя здесь встречаются реже, потому что редко поставляется сюда. Более подробно Кегель описывает рукодельное мастерство «выделяющихся трудолюбием» женщин, также особые способы приготовления растений (С. 194).

Описания и оценка поведения и характера коряков раскрывают особый аспект в критическом исследовании первоисточников, свойственный большинству других путешественников того времени.¹⁴ Эти ученые как правило ездили уже по установленным маршрутам между селениями, поэтому практически никогда не встречались с коряками-олeneводо-дами (чавчуеноми), а

¹³ Bergman 1926: 149.

¹⁴ За исключением отчета Георга Кеннана (1890), бывшего сотрудником американской экспедиции, которая занималась проведением телеграфной линии также в непроходимые части Камчатки.

потому не могли наблюдать их особый образ жизни и хозяйствования. Несмотря на то, что в то время для охоты было достаточно диких оленей, между жителями, живущими на побережье и внутри страны, были широко распространены взаимовыгодные обменные и торговые отношения, как это видно на примере Лесной – одни занимались морским зверобойным промыслом, другие – оленеводством. Находясь под влиянием своей профессии агронома и соответственно своего задания Кегель сосредоточивал свое внимание только на возможностях сельскохозяйственного развития и не мог распознать особенности потенциала развития других дополнительных природных ресурсов, использование которых носило сезонный характер.

Общности коренных народов на севере уже с давних времен развили собственные экологические и гибкие системы сезонного и дополнительного природопользования.¹⁵ Даже в первые годы советской власти существовали колхозы, в которых давно предписанные русским правительством и пропагандируемые Кегелем цели сельскохозяйственного развития умело и в соответствии с ранними моделями самих коренных народов претворялись в жизнь. Возможно это часто зависело от председателя колхоза, который, ввиду своего политического положения, организовывал работы не для собственной выгоды, а для общего благополучия.¹⁶

Кегель в своих оценках стараний и осмотрительного ведения хозяйства коренным населением подходит с определенными мерками, присущими мировоззрению европейского крестьянина. Взять, например, упорядоченный рабочий день, отсутствие которого он замечает у коренного населения (С. 202). Но охотники, рыболовы и оленеводы в своей деятельности приспосабливаются к циклам природы, сменяя повышенную интенсивность работы с длительными перерывами для отдыха. Например, при неожиданном подходе рыбы люди работают до изнеможения круглые сутки,¹⁷ или в определенные времена года необходимо во что бы то ни стало удерживать оленье стадо, или зимой охранять их от волков.¹⁸ Часто обобщающие оценки Кегеля так называемых характерных особенностей определенной (этнической) группы, применяющей другие способы природопользования, (да) пусть послужат нам примером того, как такого рода отчеты, отражающие в первую очередь собственную точку зрения наблюдателя, не всегда способствуют пониманию образа жизни и культурных ценностей других народов.

15 Крупник 1989.

16 Люди пожилого возраста в Лесной до сих пор вспоминают о колхозном времени при Землянском как о «золотом времени». Позднее колхозное хозяйство, приносящее богатые плоды и широкое слияние традиционного природопользования и сельскохозяйственного развития, было уничтожено новой совхозной политикой, главной ошибкой которой в данном случае было то, что у жителей села было забрано оленье стадо и передано «эффективному» звену в южных местах (АКУ-10-10).

17 Традиционные знания коряков-нымыланов с. Лесная – рыболовство, 2011.

18 Традиционные знания оленеводов – коряки Карагинского района, 2011.

Наблюдения за природопользованием камчадалов

Напротив, скорее трезвые, чем мировоззренческие наблюдения Кегеля подчас и сегодня имеют большое значение. Прежде всего относительно камчадалов, живущих в долине реки Камчатка, с которыми он довольно долго и интенсивно работал. Кегель оставил нам подробные описания о традиционном использовании растений, частично забытом этим народом, но до сих пор сохраненном в других местах Камчатки.

Им подробно описаны особые приемы сбора клубней сараны осенью, когда в тундре с помощью палки проводятся поиски «мышинных кладовых» (С. 205), чьи большие запасы затем изымаются. Этот практически уже неприменимый способ сбора можно было наблюдать в Лесной в 2000 г.¹⁹ Кегель то и дело упоминает о большом значении (как тогда да и позднее) клубней сараны как основы питания прежде всего на западном побережье, называемой местным населением «дикой картошкой», с удовольствием употребляемой также медведями и мышами (С. 103); интересно, что Кегель, пропагандируя выращивание культурных растений, сознается, что клубни сараны довольно приятны на вкус, годятся как в суп, так и для жарения, даже приятнее, чем картофель (С. 206), но с другой стороны, констатирует с разочарованием, что по этой причине жители не сажают картофель (С. 123).

Кегель признает также ценность свежих растений, корней и клубней, собираемых в большом количестве местным населением весной (в июне) после долгой зимы, когда они питались в основном сушеной рыбой (С. 180). Приготовление сердцевины кипрея (иван-чая) описано очень точно и подробно (С. 112), такое можно наблюдать и сегодня, когда корячки старшего поколения готовят из сухого, толченого кипрея и сушеной икры традиционную толкушу.²⁰ Кегель часто упоминает умелое применение мухомора как одурманивающего средства, чаще, конечно, с отвращением, но также признает его действие как «лекарство», так как небольшая доза придает силы как для работоспособности, так и мужскую (С. 203).

Также подробно описывает Кегель приготовление традиционной пищи. Но похоже ему не нравится в замороженном виде кислая рыба, которую местное население считает большим деликатесом (С. 180).²¹ Удивительно, что он сообщает об употреблении в пищу полусырового медвежьего мяса («как английский ростбиф, из которого выступает кровь») (С. 220), автора же данной статьи, напротив, местные люди всегда предупреждали, есть медвежье мясо только тогда, если оно долго проварится (возможно из-за большого количества трихинов). Интересно также, что коряки на северо-востоке полуострова обходились еще без соления рыбы, так как у них практически не было ни

19 Празднуем с нерпами, 2005.

20 Празднуем с нерпами, 2005.

21 Традиционные знания коряков-нымыланов с. Лесная – рыболовство, 2011.

соли, ни бочек (С. 192), в то время как этот метод был широко распространен на юге благодаря соседству с русскими и доступу к торговле.

Заметки о традиционных народных промыслах

С этнографической точки зрения интересно, что Кегель пишет об использовании различных материалов. Из крапивы и кипрея делались нитки и плелись сети (С. 113, 186), сухожилия китов служили им «для кручения ниток и шнуров» (С. 275). «С помощью петель из китового уса они ловили по 40-50 вальдшнепов за одну ночь» (С. 264), а рог горного барана был пригоден для изготовления ложек (С. 98). Водонепроницаемая обувь, которую носили во время лова рыбы, шилась из «большого горла» сивуча (С. 269). Кегель подробно и похоже под большим впечатлением описывает пошив меховой одежды, для чего при изготовлении искусных аппликаций использовались шкуры самых разных видов зверей (С. 96). Также по сей день применяемый способ окрашивания с помощью ольховой коры не остается без внимания (С. 178).

Заметки о языках народов Камчатки

Несмотря на то, что Кегель был натуралистом, он интересовался также языками коренных народов (что было характерно почти для всех ученых того времени), составил словарь с камчадалскими названиями растений и зверей (см. Приложение). В Явино, деревне на юге Камчатки, констатировал, что «многие растения и деревья носят другие названия, чем по остальной Камчатке», что живущие там люди «говорят на языке, более близком курильцам, который в скором времени возможно перестанет существовать» (С. 267) – что вскоре и случилось.

Заключение

В путевом отчете, а также в журналах, впервые опубликованных в приложении нового издания, Кегель делает не только точное естественнонаучное описание природных условий Камчатки относительно того, как и какие места полуострова пригодны для сельскохозяйственного развития. Сверх материалов, относящихся к первоначальному заданию, Кегель предоставляет дополнительные результаты и выводы, которые могли бы быть весьма полезными для правительства и населения Камчатки, если бы они нашли отклик у начальства²² – прежде всего это относится к раскрытию нарушений и коррупции местного начальства на полуострове. И как Ганно Бек утверждает, что при жизни этот «классик» исследований и присоединения Камчатки не мог быть опубликован также и за границей, потому что он был слишком критич-

22 Садовникова 2010: 57.

ным. Кегель по возвращении с Камчатки до конца жизни оставался в России, и «публикации его работ могли означать для него потерю свободы» (С. 7).

Наряду с научными и агрономическими сведениями и благодаря его особому интересу к общим условиям жизни населения Кегель дает полезную этнографическую информацию о коренных народах Камчатки. Такого рода воззрение и широкий кругозор были весьма характерны почти для всех немецких ученых, исследовавших полуостров Камчатка.²³ Их описания полезны не только для науки в других областях, но часто такая точка зрения приводит к уравновешенной и уместной оценке определенных ситуаций, сделанных наблюдателем.

Но личные суждения ученого-путешественника (между прочим созвучные с другими подобными описаниями того времени) не должны приводить в замешательство. Часто они кажутся честнее, чем мнимая объективность поздних научных исследований, за которыми кроются личные мнение и намерения (интенция) автора или политические задачи. Кроме того действительность всегда фильтруется через мировоззрение наблюдателя.²⁴ Преимущество отчета со следами эмоций, также открыто написанного дневника, дает обширное представление о психических и характерных состояниях самого Кегеля, что в свою очередь способствует более глубокому пониманию той или иной ситуации.

Таким образом данный труд во всей своей совокупности предстает одновременно и в другом измерении, а именно, какое влияние оказывали на Кегеля опыт и эмоциональное восприятие, в свете которых его внутренний протест становится более понятным. Оно показывает, с какими большими трудностями ему приходилось сталкиваться, при этом надо отметить, что за шесть лет путешествия он многое познал и многому научился. Так его первоначальное положительное впечатление о «хороших чиновниках», чувствовавших себя обязанными воплощать в жизнь заслуживающие похвалы цели петербургского правительства (С. 27), постепенно переходит в скептицизм и, в конечном итоге, в глубокое разочарование и сарказм после встреч с начальниками на Камчатке.

На основании личных наблюдений и непосредственного опыта ученого мы можем четко проследить вопиющие нарушения, допускавшиеся камчатским начальством. Предположительно в подобной форме они имели место и в других отдаленных местах Российской империи. Перед нами предстает картина не только того, какие препятствия делались для развития, важного для благополучия населения, но как опасно и трудно было против этого протестовать даже такому упорному и мужественному человеку как Кегель, не говоря уже о том, как остановить эти нарушения.

23 Стеллер, Эрман, Китлиц, Дитмар, Лангсдорфф, Шамиссо и др. (См. Bibliotheca Kamtschatica: http://www.siberian-studies.org/publications/bika_R.html)

24 Показательными являются списки литературы, возимые Кегелем во время путешествия. См. Приложение.

Кегель наравне с другими немецкими исследователями XIX века, как это определяет Садовникова, являет собой «яркий пример подобного сотрудничества» между немецкими и российскими исследователями. «Их личности, их наследие привлекали и будут привлекать наше внимание снова и снова».

Литература

- Bergman, Sten 1926. *Vulkane, Bären und Nomaden*. Stuttgart: Strecker und Schröder.
- Ditmar, Karl von 2011 [1900]. *Reisen und Aufenthalt in Kamtschatka in den Jahren 1851 - 1855. Zweiter Teil. Allgemeines über Kamtschatka. Beiträge zur Kenntnis des Russischen Reiches und der angrenzenden Länder Asiens. Bd. 8*. St. Petersburg. Neu herausgegeben von Michael Dürr. Fürstenberg: Kulturstiftung Sibirien.
- Kasten, Erich 2005. *The Dynamics of Identity Management*. In: *Rebuilding Identities: Pathways to Reform in Post-Soviet Siberia*, E. Kasten (ed.), 237–260. Berlin: Dietrich Reimer Verlag.
- Kegel, Johann Karl Ehrenfried 2011. *Forschungsreise nach Kamtschatka. Reisen und Erlebnisse von 1841 bis 1847*, Herausgegeben von Werner Friedrich Gülden, mit Beiträgen von Hanno Beck und Erich Kasten. Fürstenberg: Kulturstiftung Sibirien.
- Kennan, George 1890. *Zeltleben in Sibirien und Abenteuer bei den Korjaken und anderen Stämmen Kamtschatkas und Nordasiens*. Berlin: Cronbach.
- Rubicz, Rohina et. al. 2010. *Genetic structure of native circumpolar populations based on autosomal, mitochondrial, and Y chromosome DNA markers* (Rohina Rubicz, Phillip E. Melton, Victor Spitsyn, Guangyun Sun, Ranjan Deka and Michael H. Crawford). *American Journal of Physical Anthropology*, vol 143 (1), 62–74.
- АКУ – Видеоархив Кастен-Уркачан, Фонд культуры народов Сибири.
- Крупник И.И. 1989. *Артическая этноэкология: Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Эвразии*. Москва: Наука.
- Культуры и ландшафты Северо-Востока Азии 2010. *Культуры и ландшафты Северо-Востока Азии: 250 лет русско-немецких исследований по экологии и культуре коренных народов Камчатки*. Кастен Э. (отв. за выпуск). Фюрстенберг: Издательство Фонда культуры народов Сибири. (Fürstenberg: Kulturstiftung Sibiren).
- Празднуем с нерпами 2005. *Празднуем с нерпами: Коряки и эвены на Дальнем Востоке России*. ДВД. Э. Кастен, М. Дюрр (отв. за выпуск). Берлин: Центральная областная библиотека, Берлин. (Berlin: Zentral- und Landesbibiothek).

- Садовникова Л.В. 2010. Агроном Кегель на Камчатке: 6 лет упорного труда // Культуры и ландшафты Северо-Востока Азии: 250 лет русско-немецких исследований по экологии и культуре коренных народов Камчатки, С.41-59. Фюрстенберг: Издательство Фонда культуры народов Сибири. (Fürstenberg: Kulturstiftung Sibiren)
- Сафронов Ф.Г. 1978. Русские на Северо-Востоке азии в XVII – середине XIX В. Управление, служилые люди, крестьяне, городское население. Москва: Наука.
- Сгибнев А.С. 2008. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке с 1650 по1856 г.г. // Вопросы истории Камчатки. Выпуск 2. Петропавловск-Камчатский: Холдингого компания «Новая книга».
- Традиционные знания коряков-нымыланов с. Лесная – рыболовство, 2011. Корякский язык и культура, ДВД (KLC2-02-01). Э. Кастен (отв. за выпуск). Фюрстенберг: Издательство Фонда культуры народов Сибири. Традиционные знания оленеводов – коряки Карагинского района, 2011. Корякский язык и культура, ДВД (KLC2-01-01). Э. Кастен (отв. за выпуск). Фюрстенберг: Издательство Фонда культуры народов Сибири.

Вольный перевод Тьян Заочной

Выдержки из:

Kasten, Erich 2011. Johann Karl Ehrenfried Kegel: Ein deutscher Agronom bezieht Stellung zur Land- und Naturnutzung auf Kamtschatka. In: Johann Karl Ehrenfried Kegel, Forschungsreise nach Kamtschatka, Reisen und Erlebnisse von 1841 bis 1847, Hg. von W.F. Gülden (Hg.), 307-320. Fürstenberg/H.: Kulturstiftung Sibirien.